

УДК 811.161.1+81'42

Васильева О.Н.

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (Уфа)

**БИБЛЕЙСКИЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ВКЛЮЧЕНИЯ В РОМАНЕ
В.С. МАКАНИНА «АНДЕГРАУНД, ИЛИ ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»**

O. Vasilyeva

M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University (Ufa)

**BIBLICAL INTERTEXTUAL INCLUSIONS IN V. MAKANIN'S NOVEL
"UNDERGROUND, OR THE HERO OF OUR TIME"**

Аннотация. Статья посвящена интертексту Библии и его функциям в постмодернистском творчестве. В ней представлен анализ романа «Андеграунд, или Герой нашего времени» В.С. Маканина. Исследование интертекста библейского происхождения в произведениях данного автора до сих пор оставалось малоизученным. Проведённый анализ позволил обнаружить различные формы интертекста (аллюзии, цитаты, интермедийные тропы) и определить их роль – духовные ценности, являющиеся эталонными, ставятся героем под сомнение. Мироззрение общества пересматривается с постмодернистской точки зрения: устоявшиеся нравственные идеалы переосмысливаются, приобретая пренебрежительный, насмешливый оттенок. Интертекст также является эффективным средством создания образов персонажей. Кроме того, библейские аллюзии, обогащая произведение, делают его кроссвордом и в то же время вносят радость открытия и эстетического наслаждения.

Ключевые слова: интертекстуальность, интертекст, Библия, постмодернизм, В.С. Маканин, отрицание авторитетов, утрата духовных ценностей, аллюзия, цитата.

Термин *интертекстуальность* предложила французский литературовед и семиотик Юлия Кристева, которая предприняла попытку объединить теорию языка и жанра М.М. Бахтина, а также исследования Ф. де Соссюра в области анаграммы. Исследователь переосмыслила понятие текста, расширив его, что привело её к предельно широкому пониманию интертекстуальности. Текст понимается только как интертекст, как общее состояние социокультурного знания, частью которого каждый текст является, на него указывает, из него возникает и затем растворяется в нём. Таким образом, понятие текста и одновременно интертекстуальности расширяется до бесконечности.

Abstract. The article is devoted to the biblical intertext and its functions in post-modernistic works. The paper presents the analysis of the novel "Underground, or a Hero of Our Time" by V. Makanin. Up until now biblical origin of the intertext in the works of the given author remained poorly studied. The carried out analysis allowed to reveal different forms of intertext (allusions, quotations, intermedial stylistic devices) and define their roles – standard moral values were put in doubt by the protagonist. Social world view is reviewed from the post-modernistic point of view: established moral ideals are being re-examined with acquisition of contemptuous and satirical hue. Intertext is also an effective means for creating character images. In addition, biblical allusions, enriching the piece of work, make it a crossword and at the same time bring joy of discovery and esthetic pleasure.

Key words: intertextuality, intertext, Bible, postmodernism, V. Makanin, denial of authorities, loss of moral values, allusion, quotation.

© Васильева О.Н., 2013.

В дальнейшем исследованиями явления интертекстуальности занимались многие учёные. В рамках данного анализа мы придерживаемся определения отечественного лингвиста И.В. Арнольд, которая понимала интертекстуальность как *включение в текст целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде цитат, реминисценций и аллюзий* [1, с. 351].

На сегодняшний день существует несколько классификаций интертекстуальных включений. Наиболее подробной нам представляется типология Н.А. Фатеевой [20], которая наряду с остальными формами интертекстуальности выделяет цитаты и аллюзии с атрибуцией и без неё, а также интермедальные тропы и стилистические фигуры.

К числу наиболее частотных словесных сигналов интертекстуальности относятся *цитаты* и *аллюзии*. Именно этим типам интертекстуальных включений уделяется основное внимание в нашем исследовании. **Остановимся** подробнее на терминах, которые будут использоваться в данной статье.

Вслед за Г.Г. Слышкиным под *аллюзией* мы понимаем *соотнесение предмета общения с ситуацией или событием, описанным в определённом тексте, без упоминания этого текста и без воспроизведения значительной его части, то есть только на содержательном уровне* [16, с. 39].

Цитату мы определяем как *дословную выдержку из какого-либо текста или в точности приводимые чьи-либо слова* [14, с. 385].

Наряду с этими определениями необходимо рассмотреть понятие *прецедентности*. Опираясь на определение В.В. Красных [5], под *прецедентностью* мы понимаем наличие в когнитивной базе носителя языка определённого «цитатного фонда» (актуальных, хорошо известных текстов, выражений, собственных имён, слов), обращение к которому осуществляется довольно часто.

По праву относясь к мировому литературно-художественному достоянию, Библия на протяжении многих веков вызывает бесспорный интерес писателей и поэтов. Она

имеет огромные интертекстуальные ресурсы, так как является воплощением поучительных толкований, мудрых мыслей и индизказательных повествований.

Вопрос о литературном направлении, в котором пишет Маканин, не раз поднимался известными критиками. Исследователи именуют его прозу *пограничной зоной* [19], утверждая, что нельзя однозначно причислять его к конкретному течению. Литературные критики отмечают, что роман «Андеграунд» вобрал в себя традиционные черты реализма, постреализма [6] – Маканин точно воссоздаёт определённую историческую эпоху с последствиями её тоталитарной системы – «психушки», сменившие лагерь, тотальная ложь официального мира, всеобщая несвобода, непринятие достоинства личности; поиск автором истины, возможность её достижения. В то же время в романе использована повествовательная техника постмодернизма, одним из ярких приёмов которого является интертекстуальность.

В постмодернистских текстах, как известно, интертекстуальность, являясь одним из определяющих приёмов, играет особую роль. Одно из основных понятий в постмодернизме – *кризис авторитетов* [17, с. 246]. Раскрывая смысл понятия *кризис*, американский исследователь Меджилл пишет: *Это утрата авторитетных и доступных разуму стандартов добра, истины и прекрасного, утрата, отягощённая одновременно потерей веры в Божье слово Библии* [22, с. 13]. Если классики, используя библейские включения, стремились приблизиться к Богу, то у современных писателей наблюдается другая тенденция – *слом традиции* [20, с. 37], в ходе которого нередко происходит *отталкивание* произведений от Библии, когда посредством интертекста авторами достигается контраст между ними, часто с помощью иронии.

Невозможно рассматривать библейский интертекст в маканинских произведениях, не учитывая его суждений о духовном, о церкви, литературе. Для этого обратимся к его малочисленным интервью:

Вы сказали, что литература не учит. В чём же тогда заключается истинная миссия литературы?

– Я уже сказал, что литература – вещь индивидуальная и по мере сил пророческая. Но это, может быть, слишком высокие слова. Говорить о том, что литература что-то должна, я бы не стал. Литература вещь достаточно самостоятельная. Она никому ничего не должна. Если вы хотите в своих текстах воспитывать молодёжь, помогать государству бороться с наркоманией – ради Бога. Это замечательно, делайте это. Но не потому, что вы должны это делать, а потому, что вы хотите это делать. Это важное различие [11].

– Герой литературный – это не герой жизненный, я об этом много раз говорил, что жизненный герой – это тот, кто выносит товарища, спасает ребёнка. Он замечательный человек, ему надо подражать, и так далее. Герой литературный, ему нельзя подражать. И не надо. Ни Печорину, ни Раскольникову, ни Гамлету, ни Фаусту, никому.

– **А Павлу Корчагину?**

– Вот это нечто между, это та замазка, которая немножко камуфлирует пейзаж. И поэтому разница этих героев, герой литературный – это твой ответ Богу. Для меня Жилин – это мой ответ Богу. Что, как, где и, по возможности, почему происходило во время, в которое мне Бог дал жить. То же самое о герое Андеграунда Петровича. Там, где я выкладываюсь на полную возможность [9].

– **Вера в Бога, православная церковь, на ваш взгляд, поможет людям пережить экономический кризис?** – Я давно убеждён в том, что сама по себе православная церковь в России мало что значит, но её отсутствие повлечёт за собой большую беду. Это как с любым ритуалом: когда он есть, мы его не замечаем или в лучшем случае вяло поддерживаем, но как только он исчезает, это сразу же ощущается на вырождении поколения, на неуправляемом поведении наших детей [8].

То есть писатель отрицает обязательность наличия нравственной, поучительной функции литературы, усматривая её миссию лишь в отображении действительности, своеобразном отчёте о времени, в которое Бог дал жить. При этом подчёркивается, что учиться нужно у героев *жизненных*, совершающих благородные поступки, а *литературным* героям подражать нельзя. Очевидно, писатель верит в существование Бога, но при этом, по мнению Маканина, в России мало поддерживается процесс церковной жизни – посещение храма, участие в богослужениях, Таинствах.

Идеологию «Андеграунда» (1998) невозможно рассматривать, не принимая во внимание историческую подоплёку. Как известно, двадцатый век принёс нашей стране страшные катастрофы: революции, репрессии советской власти по отношению к собственному народу, в результате которых были загублены миллионы ни в чём не повинных русских людей, войны, разграбление храмов и монастырей, осквернение святынь, безбожие. Минувшее столетие резко поменяло систему нравственных ценностей, следствием чего явилось духовное падение, моральное опустошение общества.

Следствием такого глубокого подрыва Отечества стал глобальный кризис культуры, который охватил все области науки и искусства¹ и не мог не проявиться в литературной их составляющей. I съезд советских писателей (1934) явился перестройкой всего литературного процесса в СССР. Главным и единственно официально признанным мировоззренческим методом художественного творчества был провозглашён метод социалистического реализма. Писателям была дана установка на идейное содержание произведений, отвечающее решению задач построения социализма. В случае несоответствия произведений идеологической цензуре они подлежали устранению из публичной художественной жизни, за редким исключением. Кроме того, советские власти особенно пре-

¹ Множество талантливых учёных стало жертвами репрессивного государства. См. судьбу П.А. Флоренского и др.

следовали писателей-диссидентов, опасаясь огласки сведений о режиме СССР, которые последние распространяли путем самиздата неофициальных и потому неподконтрольных тоталитарному государству литературных произведений, в том числе их публикации за рубежом.

В память об этих инакомыслящих, талантливых и не имеющих целью угодить советскому государству, Маканин и написал свой роман:

Но был и другой андеграунд. Его представляли люди, которые при любой смене власти не могли бы занять высшие места. Это было целое поколение погибших людей, но людей мужественных, обладающих силой духа. В память об этих людях я написал роман [10, с. 17].

Действие романа разворачивается в советское перестроечное время, повествование ведётся от первого лица. Главный герой – несостоявшийся безымянный писатель Петрович, ни строчки которого не напечатали в советское время.

Наделённый писательским талантом [7, с. 688], он тщетно пытается напечататься, ходит по редакциям, а в какой-то момент перестает: *моё «я» переросло тексты [7, с. 573].* В силу того что людям андеграунда часто приходилось заниматься неквалифицированным трудом, там, где их зависимость от государства была бы наименьшей, Петрович сторожит за небольшие деньги квартиры хозяев во время их отсутствия в общежитии.

Лингвист Н.Д. Арутюнова отмечает, что чужое слово органически «приживается» в новом контексте, однако чужая речь не присваивается говорящим, для автора желательно, чтобы читатель уловил взаимодействие разных текстов [2, с. 51]. В основном, Маканин использует широко известные интертекстуальные включения. Сложность в выявлении вкраплений возникает тогда, когда они отсылают к произведениям, которые не являются прецедентными для настоящей культурной группы людей, или к фрагменту из распространённого текста, не удержавшемуся в памяти реципиента. К примеру, в главе «Квадрат

Малевица» части I Маканин вводит в повествование цитату из Библии и указывает её источник: *Разумеется, мы знаем (слышали), что дух дышит, где хочет (Евангелие) [7, с. 88].* По всей вероятности, это высказывание из Нового Завета может отсутствовать в прецедентном арсенале современного читателя, из чего следует, что ему необходима авторская подсказка. Примечательно также, что благодаря расширенной атрибуции подчёркивается всечеловеческий статус данной цитаты. Тем ярче достигается Маканиным контраст: в данном примере евангельской мысли о том, что нужно всецело полагаться на волю Духа Святого, рассказчик противопоставляет современную:

Мы можем рассуждать об этом и даже согласиться с этим, но не жить с этим. Увы. Увы, нам нужна перспектива; приманка, награда, цель, свет в конце туннеля, и по возможности поскорей. В этом, и ни в чём ином, наша жизнь [7, с. 89].

Из приведённого примера видно, как мировоззрение общества пересматривается во время коммунизма: духовные ценности, являвшиеся эталонными, ставятся под сомнение.

В роман включена аллюзия на Каинову печать. До обитателей психушки доходит слух, что один из них – наёмный убийца Чиров – признался в содеянных преступлениях. Когда Чиров слышит из разговора двух медбратьев, что теперь его самого ждёт пуля, *на его багровом лице – на лбу – вспыхнуло белое круглое пятно. (На щеках нет. Только на лбу.) [7, с. 533].* В Ветхозаветном предании Каин убивает брата Авеля, за что становится изгнанником и скитальцем. Бог не пожелал гибели Каина, объявив, что тому, кто его убьёт, отмститя всемеро. Он сделал убийце особый знак, чтобы его не убили в изгнании. В «Андеграунде» же Чиров несёт *на лбу свою белую смертную печать [там же]*, когда его ждёт смертная казнь.

Такие аллюзии, безусловно, имеют локальное действие и не отображают семантического содержания всего произведения. Но являясь фрагментарно значимыми, они

способствуют его развитию в определённом эпизоде путём реализации ассоциативно-смысловых связей с претекстом, при этом часто у Петровича имеет место ирония. Так, высокий духовный смысл евангельского выражения *алчущие и жаждущие* (Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся, [Мф. 5: 6]) в романе значительно снижается, употребляясь лишь для обозначения желания спиртного:

Шли бок о бок ночной Москвой, как это водится у безденежных алчущих агэшников. Просто выпить где-то водки. На халяву. Хотя бы сколько [7, с. 353].

Чуб подзабыл одно правило, есть у нас такое: бутылку жаждущий берёт со стола (себе на завтра), а напиток жаждущий хочет у стола (сегодня, сейчас) [7, с. 361].

Подобных выражений, которые автор вплетает в повествование с целью создания иронии, в романе содержится довольно много. В эпизоде, где Петрович подсаживается в метро к плачущей женщине, Маканин обыгрывает фразу Иисуса, сказанную будущим апостолам Петру и Андрею, в то время как они рыбачили: *идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков* [Мф. 4: 18-19]. Эффект иронии достигается только при наличии претекста в прецедентной базе читателя. Ср.: *Она тотчас и решительно отвернулась, оскорбилась. Решила, что я ловец пьяненьких* [7, с. 69].

В главе «Один день Венедикта Петровича» собутыльникам нужно на спор открыть бутылку шампанского, не пролив ни капли на стол. Рассказчик по аналогии с библейскими заповедями шуточно вводит свою: *Не наследди – как заповедь* [7, с. 694-695].

Помимо интертекстуальных включений, введённых в повествование в неизменном виде, Маканин использует и трансформированные, например: *Сначала было Слово* [7, с. 141], а не *В начале*, [Ин. 1: 1].

По мнению К. Степаняна, это лишь привычная метафора для самовыражения, *тут нет даже иронии или цинизма, тут слепота* [18, с. 208].

Библейский интертекст обладает большой ассоциативной силой даже на уровне отдельного слова:

Шагнул в коридоре через некую половицу, и мир уже надвое: мироздание пополам. И тотчас сами собой, без чистилищных проблем, определились буйные (ближе к кабинету, чтобы слышать их крики) – отделились от тихих и блаженных (агнцы) [7, с. 185].

Согласно Библии, агнец – животное (ягнёнок, козлёнок [Исх. 12: 5]), приносившееся в жертву [Исх. 12: 3, Быт. 22: 7]. Психиатрическая больница в романе олицетворяет собой часть государственного истеблишмента, организацию, целью которой является подавление своеволия инакомыслящих путём превращения человека в жизнеподобную амёбу. Пациенты психбольницы являлись жертвами: *Психическая ломка, которой подвергались обитатели психушки, весьма показательна для понимания того механизма, с помощью которого ранее превращали талантливых ярких диссидентов в идиотов, навсегда потерявших своё «я»* [15, с. 91].

В следующем примере приводится аллюзия на Страшный Суд:

Торец склада не занят, пуст и гол, мне пришла мысль позвать кой-кого из художников, среди которых я тогда тёрся, – пусть распишут. Можно орнаментировать или устроить показательный Страшный суд для недругов (и друзей) [7, с. 130].

Как известно, Страшный Суд – последний суд, совершаемый Богом над людьми с целью выявления праведников и грешников, Божие воздаяние каждому по делам его. Петрович же под словами *можно устроить показательный Страшный суд* подразумевает в качестве судьи не Бога, а себя.

Для большей силы воздействия на читателя Маканин вводит высказывания, аналогичные знаменитым стихам Екклесиаста:

Всему своё время, и время всякой вещи под небом.

Время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное.

Время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить... [Еккл. 3: 1-3]
Ср.:

Время любить и время не любить. Время целить в лбешики и время стоять на перекрестке на покаянных коленях. Мы, дорогой (говорил я ему-себе), скорее в первом времени, чем во втором [7, с. 238]. Так, размышляя о содеянном убийстве, Петрович намекает на советское время, в котором, по мнению государства, можно было убивать.

Знакомая Петровича, девица лёгкого поведения Вероника говорит ему:

Время жить и время всплывать [7, с. 86] (из андеграунда – прим. наше. – О.В.) Ещё пример: *Время ценить и время недооценивать* [7, с. 358].

Кроме того, роман содержит вкрапления, взятые не непосредственно из Библии, а связанные с ней косвенно. Так, Маканин, рисуя образ поколения бизнесменов 90-х, шагающих по российским улицам и улочкам, отмечает: *Идут в костюмах, при галстуке, с попискивающими в карманах радиотелефонами <...> У троицы тоже вполне пророческий вид и лёгкая поступь* [7, с. 624].

Как известно, в Священном Писании само слово *Троица* не упоминается. Сравнивая бизнесменов с Божественным Троиединством – Святой Троицей, автор подчёркивает их несоответствие своему прототипу и тем самым привносит иронический смысл в характеристику образа.

В следующем примере приготовление медсестрой Адель Семёновной водки из медицинского спирта иронически сравнивается Маканиным со священным обрядом, осенением крестом. Интермедияльная семантическая фигура вызывает визуальные ассоциации – данная метафора подвергает священные действия кощунственному снижению: *Она наново смешивает для врачей «чистенький» с водой. Священнодействует, превращая воду в водку. Как торопящийся мессия, она осеняет святую жидкость трёхперстием (с зажатыми в нём фиолетовыми кристалликами марганцовки)* [7, с. 473].

Прогулку с Чубом по ночной Москве, во время которой Петрович ищет удобный момент, чтобы убить его, герой с иронией называет хождением [7, с. 353]. Изначально хождение – жанр средневековой русской литературы, форма путевых записок, в которых паломники писали о посещённых ими Святых местах.

Известное устойчивое выражение *Бог с тобой* у Маканина подменяется на *бумага с тобой* [7, с. 539]. Очевидно, что такую замену повлёл за собой один из наиболее известных тезисов постмодернизма *мир как текст и ничто не существует вне текста* [21, с. 158].

О связи со Священным Писанием говорят и многочисленные библеизмы, настолько прочно вошедшие в нашу речь, что уже не замечается их происхождение: *плоть от плоти* [7, с. 358], *манна небесная* [7, с. 384], *власти предержащие* [7, с. 500] и др.

Кроме того, сигналами интертекстуальной игры в романе служат архаизмы. Старославянские формы, воспринятые из Библии, становятся знаками подтекста, придают произведению вневременной оттенок. Ср.: *убиенный* [Откр. 6: 9 // 7, с. 410, 418], *огнь* [Втор. 4: 24 // 7, с. 446], *словеса* [Деян. 2: 22 // 7, с. 354], *страж* [Иез. 33: 6 // 7, с. 715], *вопиет* [Быт. 41: 55 // 7, с. 237].

На основе приведённого анализа можно сделать вывод о том, что интертекст как неотъемлемая часть постмодернизма является одним из основных приёмов романа Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени». Среди главных его источников выделяется Библия: переключку со Священным Писанием можно обнаружить на протяжении всего произведения. Однако библейские включения в «Андеграунде» реинтерпретируются, интертекстуальная игра героя-рассказчика советского времени нацелена на разрушение системы вечных духовных ценностей, но не посредством жёсткой, безапелляционной негации, а подрывной стратегией – Маканин втягивает читателя в провокацию, самого разного спектра и масштаба: от интеллектуальной до открыто сексуальной и кощун-

ственной. Герой бросает вызов обществу – общепринятые правила подвергаются сомнению, устоявшиеся нравственные идеалы, переоцениваясь, приобретают пренебрежительно-насмешливый оттенок. Интертекстуальность в «Андеграунде», таким образом, позволяет определить миро- и самооощущение современного человека.

Между тем роман не редуцируется до текста-игры, как это принято в постмодернизме, а представляет художественный синтез, смелый союз традиций реализма с постмодернистскими положениями. В противовес примитиву постмодернизма Маканин поднимает важные религиозные и духовные вопросы. Серьёзная проблематика «Андеграунда» исключает многоликость окончательной истины, выражающуюся в неисчислимом количестве интерпретаций текста и потому бессодержательную.

Не следует забывать, что автор пишет в сложное время потери ориентира и переоценки ценностей, а потому прекрасно осознаёт современную ситуацию, своим произведением он отображает глубокий кризис как литературы и культуры в целом, так и человеческого сознания. Петрович – порождение советской власти, её критическое, уничтожающее влияние на человека. Героя времени обошла официальная советская словесность, но не обошло насаждение коммунистических взглядов, принятие их. Библейские включения помогают Маканину высветить истинную природу коммунизма, обнажить роковые заблуждения, диктуемые им. Несмотря на то что писатель изначально не ставит себе воспитательную цель и избегает прямых нравоучений, в «Андеграунде» через печальный опыт жертвы кризисного времени он показывает опасность мира без Бога. Автор стремится уберечь читателя от вседозволенности и тех страшных ошибок, которые она за собой влечёт. Другими словами, Маканин убеждает нас в том, что понимание человека как Божьего творения, осмысление ценности отдельно взятой жизни является одним из главных условий возрождения и стабильного развития России.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 1999. – 443 с.
2. Арутюнова Н.Д. Диалогическая цитация (К проблеме чужой речи) // Вопросы языкознания. – 1986. – №1. – С. 50-64.
3. Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в 10-ти т. Т. 8 – М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1992.
4. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические в русском переводе с параллельными местами. – Минск. – 1994. – 296 с.
5. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.
6. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950 - 1990-е годы: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: В 2 т. – Т. 2: 1968 - 1990. – М.: Академия, 2003. – 688 с.
7. Маканин В.С. Андеграунд, или Герой нашего времени. – М.: Эксмо, 2010. – 734 с.
8. Маканин В.С. В третью мировую войну не верю // Труд. – №43 (25701). – от 16.03.2009. – С. 12.
9. Маканин В.С. Книжное казино: роман «Асан» [Электронный ресурс] // Радио «Эхо Москвы». – 01.02.2009. [Сайт]. – URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/kazino/569027-echo/> (дата обращения: 18.11.2011).
10. Маканин В.С. Литература – как игра черными // Учительская газета. – № 51, от 14 декабря 2004. – С. 17.
11. Маканин В.С. Самое интересное – играть чёрными [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.poltava-orchestra.ru/worldnews/news2049.html> (дата обращения 01.11.2011).
12. Морозова Т. «Подземные жители» // Москва. 1998, №12. – С. 144-147.
13. Немзер А.С. Замечательное десятилетие русской литературы. – М.: Захаров, 2003. – 608 с.
14. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.
15. Семькина Р.С.-И. Локусы подполья в романе В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» // Знание. Понимание. Умение. – М.: 2008. – № 4. – С. 87-92.
16. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Флинта: Наука, 2000. – 430 с.

17. Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. – М.: Интрада – ИНИОН, 1999. – 320 с.
18. Степанян К. Кризис слова на пороге свободы // Знамя. – 1999. – №8. – С. 204-214.
19. Сушилина И.К. Современный литературный процесс в России: Учебное пособие. – М: Изд-во МГУП, 2001. – 130 с.
20. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. Изд. 3-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2007. – 280с.
21. Derrida J. Of grammatology. – Baltimore. 1976. – LXXXVII, 396 p.
22. Megill A. Prophets of extremity: Nietzsche, Heidegger, Foucault, Derrida. – Berkeley etc., 1985. – XXIII, 399 p.